

еатр назывался Средний драматический. Назван он в свое время был так, поскольку находился на Среднем проспекте Васильевского острова, однако злые языки поговаривали, что театр полностью соответствует своему названию — репертуар средненький, ни одной приличной постановки, выдвинутой не то что на «Золотую маску», но и на местную премию «Золотой софит». Режиссура соответствующая, и актеры так себе, собранные с бору по сосенке.

Однако в последний год пришел новый главный режиссер, который театр преобразил. Кое-кого из актеров переманил из других театров, кого-то нашел в провинции, кого-то взял прямо из Театрального института. Полностью сменили репертуар, а поскольку все хорошее быстро становится известным, то публика в театр повалила валом. Билеты были раскуплены на многие месяцы вперед, потому что театр хоть и назывался Средним, на самом деле был маленьким. В нем

имелся лишь один зал, и тот небольшой, всего на сотню мест.

Ставили Чехова и Вампилова, Островского и братьев Пресняковых, и, наконец, выражаясь словами героя культового советского фильма, Главный решил замахнуться на Вильяма нашего Шекспира. Начали, как ни странно, с «Отелло».

Спектакль уже несколько месяцев шел с аншлагом. И сегодня, судя по всему, актеры не обманут ожидания зрителей.

Буфет в театре был, хотя и небольшой, всего несколько столиков, которые были всегда заняты. Так что две семейные пары стояли в углу с бокалами коньяка и вели беседу.

Дамы были немолоды, но достаточно ухожены и хорошо одеты. Одна слегка полноватая, с приятной улыбкой, ее светлые волосы лежали пышной волной. Вторая дама была худой и слишком сильно накрашенной, да еще и загорелой сверх меры, так что сразу становилось ясно — загорала она в солярии.

Мужчины же создавали художественный контраст — у полноватой дамы муж был высок и худ, как жердь, а у худой имел внушительный начальственный живот, и абсолютно лысая голова его лежала на плечах, как арбуз на блюде, без намека на шею.

Как водится, в антракте обсуждали спектакль.

— Ну не знаю, — тянула худая брюнетка, — мне коллега на работе очень рекомендовала, сама она прямо в восторге, а я что-то ничего такого не вижу. И эти маски...

— Это режиссерский прием, — улыбнулась полноватая блондинка, — теперь каждый старается самовыразиться как может. Вот он так видит героев Шекспира.

Действительно, идея режиссера заключалась в том, что все без исключения действующие лица были в масках. Поскольку действие пьесы происходит в Венеции, маски были самые разные — какие в Венеции носят на карнавале. А потом, хоть герои и перебрались на Кипр, маски все равно не снимали.

Отелло был в маске свирепого негра с выпуклыми красными губами, Дездемона — в маске трогательной кукольной блондинки, Яго — в маске опереточного злодея...

— Он таким образом дает актерам свободу высказаться, — вмешался худой муж полной блондинки, — они играют телом и голосом, режиссер считает, что так они смогут выразить гораздо больше, ну, когда их лица скрыты от публики.

Жена улыбнулась ему ласково и одобрительно, чувствовалось, что эти двое по-настоящему любят театр и понимают друг друга с полуслова.

— Кстати, о теле, — оживился мужчина с животом, — эта Дездемона... какая-то она неловкая. По пьесе она молода, а в жизни-то не так чтобы, хоть и в маске, и худа не в меру, простым глазом видно... Эти-то, в Венеции, небось в теле были.

Он единственный из всех пил не коньяк, а минеральную воду без газа, потому что привез жену в театр на машине, и оттого был в плохом настроении.

— Кто — Анна Коготкова? — рассмеялась блондинка. — Верно заметили, возраст у нее не для Дездемоны, к сороковнику катит. Но это же театр, у него свои законы.

— Сорок два! — безапелляционно сказала ее подруга, которая всегда была в курсе самых свежих сплетен и слухов. — И еще я слышала, что ее любовник недавно бросил, так что сейчас она находится явно не в лучшей форме.

— Все-то вы, бабы, знаете, — вздохнул живот и потянул свою жену в зал, тут как раз и звонок прозвенел.

В последнем акте драм Шекспира всегда происходит все самое интересное, кульминация, накал страстей, а потом все умирают. Ну, по крайней мере, основные персонажи. Мужчина с животом не был завзятым театралом, согласился на поход в театр только под воздействием жены. Тут попробуй не согласишься, загрызет ведь насмерть, а потом перепилит на маленькие кусочки. Ох, бабы эти...

Дело на сцене явно шло к концу, вот уже мрачный Отелло задал свой коронный вопрос:

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Его безвинно оболганная жена ответила, что молилась.

— Однако, — прошептал лысый и пузатый жене на ухо, — а играет-то она теперь гораздо лучше. Опять же двигается, вон, как на постели изогнулась. Какая пластика! Нет, я беру свои слова назад, выглядит эта Дездемона молодо.

— Да ей за сорок!

— Ну не знаю, не знаю...

— Да тише ты! Совершенно не умеешь себя вести в культурном месте! Мне за тебя приходится краснеть!

Отелло на сцене бурно ссорился с Дездемоной.

— Опять она про Кассио спрашивает, расстраивается по его поводу. Нет, все-таки ума у некоторых баб ну нисколько! Видишь, что мужик нервничает, ревнует — так промолчи! Нет, ей надо все выложить! За то и получила. Вон, задушил уже!

Жена ткнула его кулаком в бок и с видом мученицы подняла глаза к потолку — дескать, за какие грехи ей такой непроходимый дундук в мужья достался?

Вопрос, разумеется, был риторический.

На сцену буквально вломилась Эмилия и стала уверять Отелло в невинности Дездемоны. Тот не поддавался, а что ему еще оставалось — жену-то задушил уже.

— Вот, — снова зашептал лысый, — эта уж точно молодая. Ишь, как по сцене бегаёт! У меня глаз верный.

— Да, — прошипела жена, — в молодых девицах ты точно разбираешься, этого у тебя не отнимешь.

Лысый тотчас замолчал и стал думать, сказала это жена просто так, памятуя о его прошлых прегрешениях, либо же ей известно что-то нынешнее. Ох, бабы эти...

Все, что происходило дальше на сцене, его интересовало мало. Дездемона, как и положено

мертвой, неподвижно лежала на кровати, появились еще какие-то люди в пышных костюмах и опять-таки в масках. Яго разоблачили и увели на казнь, закованного в цепи. Кассио, раненный в ногу, внезапно перестал хромать и обрадовался, что его оставляют на Кипре вместо Отелло.

Отелло продекламировал свой последний монолог, закололся и упал рядом с Дездемоной. Кассио и Лодовико произнесли финальные реплики, и занавес опустился.

Зрители зааплодировали: кто — искренне восхищаясь спектаклем, кто — под влиянием общего воодушевления, то есть просто заодно с соседями, кто — чтобы не показаться профаном.

Лысый толстяк аплодировал с облегчением. Спектакль, слава богу, закончился, можно ехать домой и там расслабиться на диване с бокалом коньяка. И есть хочется, потому что буфет в этом театре оставляет желать лучшего. Откровенно говоря, дрянь буфет, бутерброды и то быстро кончились.

Занавес снова подняли, и актеры один за другим вышли на поклоны, сняв маски.

Исполнителя роли Яго встретили самыми громкими аплодисментами. Роли злодеев всегда самые выигрышные.

Наконец, последним к рампе вышел Отелло. Он оглянулся, ожидая, что рядом с ним появится Дездемона и они вместе примут свою законную порцию зрительских восторгов, но Дездемона по-прежнему лежала на постели.

— Переигрывает! — прошипела помощник режиссера Гиацинтова, которая стояла за кулисами.

— Или вообще заснула! — подхватила костюмерша Надежда Константиновна. — Коньячку перебрала в последнем антракте, да и расслабилась на кровати.

Гиацинтова вздохнула. Все в театре знали, что после того, как Коготкову бросил любовник, она стала пить. И вот что с ней делать? Неужели и правда заснула? Если так, то придется ставить вопрос перед Главным, чтобы Коготкову заменили. Не ждать же, когда она на сцене упадет, сраму-то будет...

Жалко все-таки Аньку, когда-то была хорошая актриса. Да вот не выдержала, сломалась из-за подлого любовника. Какие же все-таки мужики сволочи!

— Лиза! Тверская! — окликнула Гиацинтова исполнительницу роли Эмилии. — Толкни Коготкову! Что она тут покойницу изображает? Спектакль кончился!

Лиза, обернувшись на зрительный зал, бочком подобралась к ложу и вполголоса окликнула неподвижно лежащую Дездемону:

— Аня, спектакль окончен! Вставай, выходи на поклонь!

Дездемона не шелохнулась.

— Да что с тобой? — Тверская склонилась над Дездемоной и вдруг испуганно вскрикнула.

— Что происходит? — Гиацинтова вышла из-за кулис, не обращая внимания на зрителей.

— Она... она, кажется, и правда умерла! — дрожащим голосом пробормотала Лиза.

— Да что ты несешь? — возмущенно выкрикнула Гиацинтова. — Сама, что ли, выпила?

— Она как-то странно лежит... не шевелится...

— Занавес! — опомнилась Гиацинтова, и только когда занавес опустился, отделив сцену от все еще аплодирующих зрителей, подбежала к ложу Дездемоны. — Что с ней такое, сознание потеряла? — спросила озабоченно.

Все занятые в спектакле актеры столпились вокруг ложа и растерянно взирали на неподвижное тело. Потом так же единодушно все головы повернулись к помощнице режиссера — как всегда, от нее ожидали решительных действий.

Гиацинтова протянула руку и взяла Дездемону за запястье. Пульса не было.

— Кажется, она и правда умерла.

— Надо же, как вошла в роль! — подал голос театральный остряк Радунский.

Все остальные посмотрели на него с осуждением — в такие моменты шутки недопустимы.

— А что я сказал? — фыркнул Радунский.

— Бедная Аня! — всхлипнула костюмерша, хотя все знали, что она Коготкову терпеть не могла, вечно они скандалили из-за костюмов.

— Там кровь, — пролепетала перепуганная Тверская, показав на платье примы.

— Это бутафория! Краска! — авторитетно проговорила Гиацинтова. — Когда Отелло закалывается, он разбрызгивает вокруг красную кра-

ску, для ощущения подлинности... Ты что, забыла, что ли?

Затем она повернулась к Кириллу Седову, исполнителю роли Отелло, и строго проговорила:

— Кирилл Леонидович, вы что, так вошли в роль, что всерьез ее задушили?

— Валерия! — воскликнул Седов с поистине театральным темпераментом. — Что вы такое говорите? Я сколько лет на сцене! Сколько я Дездемон передушил! А сколько раз мы эту сцену репетировали! Что я, по-вашему, не знаю, как это положено делать? Да я ее почти и не касался! Знаю я эту Коготкову — ее чуть сильнее прижмешь, она потом такой скандал устроит — мама не горюй! Видите ли, у нее синяки и так далее, кожа слишком нежная, да дубленая у нее кожа... ой...

— И, между прочим, вовсе это не бутафория! — подал голос театральный пожарный дядя Костя, который под шумок незаметно протиснулся к ложу с покойницей.

— Что? — Гиацинтова так уставилась на него, как будто внезапно заговорил предмет интерьера. — Что вы такое говорите, Константин Сергеевич?

— Я говорю, что кровь не бутафорская, а самая настоящая!

— С чего вы взяли?

— А вы принюхайтесь! — Дядя Костя повел большим носом. — Самой настоящей кровью пахнет! У меня в позапрошлом году соседей заре-

зали, и полиция меня понятным пригласила. Кро-
вищи было — ужас! И запах был ровно такой же,
как сейчас.

— Ой, мамочка! — пискнула костюмерша.

— Он прав, — поддержал пожарного Се-
дов. — Я свою кровь не здесь пролил, а ниже...
вот она, на полу и на самом краю ложа. Она даже
по цвету отличается!

— Вот только не надо этих панических на-
строений! — строго проговорила Гиацинтова
и тоже принюхалась.

— Так что она не задушена вовсе. Зареза-
на она! — припечатал дядя Костя, неожидан-
но оказавшийся в центре всеобщего внимания
и очень этим довольный. — Вот же, и рана име-
ется... — Он показал на грудь несчастной Дезде-
моны.

— Не трогайте ее! — воскликнула Гиацинто-
ва. — Вообще ничего нельзя трогать до того, как
приедет полиция!

— А Аня точно умерла? — пролепетала ко-
стюмерша, протиснувшись к самому ложу. — Мо-
жет быть, ее еще можно спасти? Может быть, ей
еще можно помочь? «Скорую» вызвать...

И она сняла с Дездемоны маску.

— Я же вам человеческим языком сказала —
ничего не трогать! — рявкнула Гиацинтова.

Костюмерша ахнула и уронила маску на пол.

И тут все отшатнулись от неподвижного тела.

— Кто это?

— Это не Аня!

— Она вообще не из нашего театра!

Как выяснилось, никто из присутствующих не узнал мертвую женщину.

— А тогда где Коготкова? — поставила Гиацинтова вопрос ребром и оглядела присутствующих. — Если это не Анна, то куда она подевалась? Кто ее видел последним?

— Радунский! — неожиданно заявила театральная костюмерша и направила осуждающий перст на театрального острослова. — Я видела, как он разговаривал с ней во время последнего антракта! И за локоток придерживал!

Все повернулись к Радунскому.

— А что я? — забормотал тот, мгновенно утратив свое остроумие. — Ну да, я с ней разговаривал... а потом мы еще выпили кофе в актерском буфете...

— Вы еще и коньячку пятьдесят грамм тяпнули! — подала голос буфетчица Люся, появившаяся на сцене. Она всегда оказывалась там, где происходило что-то интересное.

— Ну, тяпнул! Ну, коньячку! — повысил голос Радунский. — Так сама же ты сказала — всего пятьдесят грамм! И что с того? Мне это нужно для куража! Для вдохновения!

— Валентин Михайлович, мы сейчас не вас обсуждаем, — перебила его Гиацинтова, — мы сейчас выясняем, кто последним видел Анну. И если это были вы...

— При чем тут я? Ну да, я с ней выпил... кофе, так вот Люся видела, что она была жива и здорова, а потом я проводил Аню до дверей ее примерки — и все!